

Очарованный смертью

Синтез. - С-175 - 1993. - 25 экз. - с. 5

Творчество знаменитого японского писателя Юкио Мисимы (1925-1970) долгие годы было у нас под запретом, а имя упоминалось исключительно в негативном смысле. Оно и не мудрено. Модернист. Монархист. Гомосексуалист. Садист. Империалист. Реванист. Сатанист (сам Мисима расшифровывал свое имя как "Сатана, очарованный смертью"). А еще культурист и каратист. А еще буддист и ницшеанец. А еще человек, покончивший с собой средневековым способом **харакори**: Мисима вспорол себе живот слева направо длинным ножом, а один из его друзей - секундант - отрубил ему голову. Малый джентльменский набор сущностно важных характеристик Мисимы был чересчур велик для охранительного сознания - и для цензурского, и, готов согласиться, для обывательского. И при всей тогдашней любви к японской литературе (достаточно назвать имена Акутагавы, Кавабаты, Кобо Абэ и Кендзабуро Оэ) Мисиму мы игнорировали. А отечественная критика воспринимала его творчество как странный декадентский вывих отравленного трагедией Хиросимы сознания.

ДНЕВНИК ЛИТЕРАТОРА

Лучший роман Мисимы "Золотой храм", опубликованный в годы перестройки в "Иностранной литературе", прошел практически незамеченным. И в этом тоже не было ничего удивительного. Тогда гремели имена: Дудинцев, Шatrov, Рыбаков, Гроссман. А из иностранцев - Василий Аксенов и Владимир Войнович. Собственно зарубежная литература, включая и столь милую интеллигентскому сердцу японскую, попала в "мертвую зону" читательского невнимания. Сейчас однотомник избранных произведений Юкио Мисимы, подготовленный (составление, перевод и предисловие) Григорием Чхартишвили, вышел в издательстве "Северо-Запад" и,

будем надеяться, читатель наконец откроет для себя этого замечательного писателя. Однотомник вышел в серии "Экслибрис" - вслед за Борхесом, Кортасаром и англоязычными романами Набокова, - но не должен затеряться и в столь престижном ряду.

Юкио Мисима прошел немало говорящих нашему сердцу путь от убежденного космополита и западника до рьяного патриота, чтобы не сказать шовиниста. Не утратив при этом, однако же, ничего из модернистских принципов и творческих наработок. И случай в литературе XX века не столь уж частый сумел, пусть и самым трагическим образом, спаять жизненный и творческий опыт воедино. Хилый и болезненный юноша ("уклонист" от воинской службы в годы войны), даже внешне соответствующий своим декадентским писаниям, он заставил себя позднее стать силачом - одним из лучших японских культуристов, мастером борьбы кэндо и карате. Протестуя против "национального мазохизма", охватившего уже начавшую процветать после страшного поражения в мировой войне Японию, он создал собственный "потешный полк" - и, возглавив его, поднял восстание. И, потерпев стремительное и бесславное поражение, 25 ноября 1970 года покончил с собой. Любопытно, что все это с большой точностью предсказано в рассказе "Патриотизм", публикуемом в однотомнике.

В традиционном конфликте между искусством и жизнью в трактовке Мисимы неизменно присутствовал "третий партнер" (выражение Рильке) - Смерть. На Востоке к смерти относятся несколько иначе, чем в христианской ойкумене, там верят в переселение душ, а само земное бытие рассматривают как тягостное, но неизбежное испытание. В случае Мисимы на это накладывался и кодекс чести самурая - сочетающий презрение к жизни со всепоглощающим стремлением к воинской славе. Налиествовала у Мисимы (западного происхождения) воля к смерти, берущая начало в сочинениях древнегреческих философов и несколько односторонне разоблаченная Зигмун-

дом Фрейдом как имманентная человеку слабость. Мисима пережил свой "античный период": поездка в Грецию, упоение тамошней красотой, достаточно скоро переросшее, впрочем, в осознание ее бренности. Но если красота обречена смерти - значит, во имя высшей справедливости, смерть следует поторопить, - таккова была причудливая мысль Мисимы, ставшая для него основой и творческой, и жизненной философии. Эта же мысль господствует в мифологическом по своей сути (хотя и написанном на фактической основе) романе "Золотой храм" (1956). "В 1950-м году послушник буддийской обители в приступе безумия сжег храм Кинкакудзи - самый знаменитый из архитектурных памятников древней японской столицы Киото" (цитирую по предисловию). В романе писатель заставляет своего героя по имени Мидзогути повторить это злодеяние, руководствуясь глубокими философскими убеждениями, сделав сознательный выбор между силами Добра и Зла (в романе они персонафицированы, правда, неясно, кто из двоих борющихся за душу Мидзогути олицетворяет Добро, а кто Зло). Прекрасное наивысшим проявлением которого выступает Храм - должно быть осквернено и уничтожено, чтобы Жизнь предстала в своей истинной и ужасной нагоде.

Рассмотрим нашу тему в свое время (ее ставили многие прославленные режиссеры) пьесу "Мой друг Гитлер" (1968) - тем более, что события, описанные в ней и начавшиеся в ней предшествовавшие, стали сегодня сенсационно актуальными. Цепляющийся за ускользающую власть президент Гинденбург в очередной раз распускает парламент и назначает канцлером лидера национал-социалистов Гитлера. После удавшейся провокации с поджогом рейхстага Гинденбургу и Гитлеру при всеобщем попустительстве дозволяют запретить и запугать оппозиционные и центристские партии, ограничить свободу печати, начать репрессии - но проблем страны это не решает. Да и решить не может. Гитлеру надо стать президентом, а для этого необходимо заручить-

ся согласием и благоволением генералитета и крупного промышленного капитала. А те - требуют от него существенных жертв.

В пьесе четыре действующих лица: Гитлер, его друзья и соратники (люто ненавидящие, впрочем, друг друга) Рем и Штрассер и пушечный король Крупп. Рем командует трехмиллионной армией штурмовиков, раздражающей армейский генералитет бесчинствами и анархическими выходками. Штрассер - лидер национал-социалистических профсоюзов: он стремится к социалистической - антикапиталистической - революции в националистической оболочке. Крупп диктует - и навязывает - свою волю рейхсканцлеру: оба смутяна вместе с великим множеством преданных им сподвижников подлежат уничтожению без суда и следствия. Попытка Штрассера заключить союз с Ремом срывается - и их приносят в жертву наечающемуся союзу Гитлера с генералитетом. С национал-социализмом (в его идейной сути) отныне покончено, осталась пустая оболочка Гитлер поступился идеями, с которыми шел к власти, ради самой власти.

Казалось бы, антифашистская пьеса! Отнюдь! Главный - и, бесспорно, положительный - герой здесь Гитлер "Я солдат, а ты художник" постоянно напоминает ему уже преданный на заклание Рем, и Гитлер вроде бы соглашается на это довольно унижающее для него разделение функций "Я становлюсь художником" (глагол "становиться" и вся философия становления здесь изгетевского "Фауста"). восклицает он уже расправившись с недавними друзьями и соратниками и с сотнями их приверженцев Убийство и предательство во имя личной безраздельной власти подаются и воспринимаются здесь как высшая форма творчества. И, став таким образом "художником", Гитлер открыто и злорадно диктует свою волю пушечному королю, а вслед за ним - и всей Германии. а там, чем черт не шутит - и всему миру. И отныне - сверхчеловек всемогущий только что Крупп всего лишь тварь дрожащая

Сходными идеями (хотя и в обратной, так сказать, перспективе) проникнута и пьеса "Маркиза де Сад" также помещенная в однотомнике. История истинно христианской любви и христианского всепрощения маркизы де Сад к ее мятущемуся и, мягко говоря, не безгрешному мужу общеизвестна и воссоздана здесь с фактографической точностью. Многолетнее заключение мужа в тюрьме она переносит с неменьшей стойкостью, чем ранее достоверные, как правило, слухи о его причудливых сексуальных эскападах. И лишь когда Великая Французская революция освобождает маркиза из заточения (впрочем, весьма ненадолго), его супруга окончательно порывает с ним и удаляется в монастырь. Почему же? Как всегда у Мисимы, важна авторская интерпретация происходящих событий - интерпретация, исполненная не столько исторической правды, сколько творческого своеволия, чтобы не сказать произвола.

Оказывается, проникнутая всепрощением маркиза де Сад не может простить мужу лишь одного: он "похитил" ее душу, иносказательно изобразив жену в образе Жюстины в одноименном романе. Правда жизни - простибельна, поскольку она даже вне заслуживает обиды. Правда искусства не подлежит прощению, поскольку она нестерпима. И надо всем этим витает всегдашний призрак уничтожения и Смерти.

Таков сумрачный и предельно своеобразный мир Юкио Мисимы - романиста, драматурга, театрального и кинорежиссера, актера, дирижера, спортсмена и реакционного революционера - одного из крупнейших писателей века. Мир - в нашем понимании подчеркнуто антигуманистический и антигуманный, мир модернистский. Мир и строй мыслей и чувствований, которые надлежит впускать к себе в душу с превеликой осторожностью, упиваясь ароматом этих изысканных "цветов зла".

Виктор ТОПОРОВ